

Саблина Нина Павловна

канд. филол. наук

доцент Санкт-Петербургской государственной консерватории

им. Н. А. Римского-Корсакова

действительный член Петровской академии наук и искусств

ТЕМАТИЧЕСКИЕ АЗБУКИ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ: АЗБУКА «ПОДВИГ И ПОДВИЖНИЧЕСТВО»

В 2005 году мы отмечали славные юбилейные даты, связанные с Великой Отечественной войной (60-летие Победы) и с Куликовской битвой. На самом деле, разговор о воинской русской славе не может ограничиваться только особыми, так называемыми «круглыми», датами. Вся наша история являет героическую борьбу с внешними врагами, неразрывно связанную с духовной бранью за Русь Святую. От нас все время требуется подвиг во славу Отечества Небесного и земного.

Как нельзя более современно звучат слова философа Ивана Ильина о духовной силе русского народа. «Ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. И ни один народ не вынес из таких испытаний и из таких мук – такой силы, такой самобытности, такой духовной глубины. Тяжек наш крест. Не из одних ли страданий соткалась ткань нашей истории. И если мы, подчас изнемогая, падаем под бременем нашего креста, то роптать ли нам и хулить ли себя в час упадка или молиться, крепиться и собирать новые силы?..» [Ильин 1996: 20]. Среди бремен русского народа И. Ильин называет и бремя народности – сохранить те народы, часто нехристианского исповедания, живущих на необозримых просторах России: «Мы должны были принять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь;

а дать всем жизнь, дыхание и великую родину... Но для этого мы должны были – прежде всего – сами расти, молиться, творить и петь. И вот Россия подъяла и бремя своих народностей, подъяла и понесла его – единственное в мире явление» [Ильин 1996: 21].

Теперь же русский народ, которому даже отказано в праве написать в паспорте свое имя, обвиняется ни более, ни менее, как в ксенофобии и фашизме. На него, на этот народ, ценой многомиллионных жертв искупивший Европу от нацизма, воздвигнута, не скажешь иначе, злобная клевета. Происходит умаление заслуг того народа, за который как за народ-победитель 24 мая 1945 года был поднят тост в Георгиевском зале Кремля Генералиссимусом И. В. Сталиным (Джугашвили). Тем самым Сталиным, который хотел в 1942 году, в завершение пятилетки безбожия, уничтожить до конца Православную Церковь, при котором было замучено, расстреляно, сослано на ГУЛАГовские каторги огромное число священников и который в 1942 разрешил, признав грозную силу Бога, открыть церкви и духовные академии: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и, прежде всего, русского народа.

Я пью прежде всего за здоровье русского народа, потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза <...>

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза, среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение...» [Сталин 1946].

Разговор о духовном смысле Великой Отечественной только набирает силу, тем более что на видимом (земном) уровне победу у нас хотят украсть и изолгать. *Дніє лѣкѣви єсть* (Еф. 5: 16), все временное тлен и прах, можно белое представлять черным. Однако есть Истина и Вечность, и они всегда воссияют над временным. Так, как бы ни чернили Христа, Он всегда воскресает

в Своем бесконечном Божественном величии. Всегда будет стоять Святая Русь, взявшая благое Христово иго. Подвиги предков всегда вдохновят потомков.

Сейчас, как прорвавшиеся из-под спуда атеистической идеологии, хлынули свидетельства о молитве и религиозно-жертвенном подвиге нашего народа во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Однако раздаются сомневающиеся голоса не только внешние (что естественно), но и внутри-церковные (диакон Андрей Кураев, протоиерей Георгий Митрофанов) о том, что свидетельства, например, о явлении Богородицы являются не более чем благочестивыми легендами, или что воевать отцы наши и деды ходили не за Родину (кто бы ею временно ни правил), а за коммунистов и комиссаров. Зловещие искажения истины многообразны. И чем далее в глубь истории уходит война, тем более появляется изощренной лжи и выдумок. В языке появляются новые слова, за которыми не стоит вещи. Таково слово *холокост*, которого и в словарях нет и которое употребляется без необходимого уточнения или объяснения (*холокост* – греческое слово, означающее жертву всеожжания). Уничтожение заключенных разных национальностей путем сожжения еще не есть ритуальная жертва всеожжания, см. стихотворение «Сон» Виктора Пахомова [в рукописи Азбуки стихотворение приводится на букву **РЦЫ**, в настоящей публикации дано после основного текста. – *Прим. ред.*].

Многочисленные живые сохранившиеся свидетельства о молитвенно-жертвенном духе нашей освободительной войны снимут все недоумения. Лучшим ответом сомневающимся и маловерам о подлинно евангельском и христианском подвиге нашего народа являются слова А. Ильина из цитируемой работы «О России», который видит историю Руси как историю муки и борьбы, ожидания к себе лихих гостей, созиданий и лишений, жизни в вечной опасности, в собирании сил и в бранном напряжении, которые не истощили нас и в которых мы учились и научились следующему: «Мы научились *хоронить нашу национальную святыню в недостижимости*. Мы постигли тайну уходящего Китежа, столь недоступного врагу и столь близкого нам, неразрушимого и всеосвящающего; мы научились внимать его сверхчувственному, сокровенному

благовесту; в дремучей душевной чаще нашли мы таинственное духовное озеро, вечно огражденное, навеки неиссякающее, – *богovidческое око русской земли, око откровения*. И от него мы получили наше умудрение: и от него мы повели наше соби́рание сил и нашу борьбу, – наше национальное Воскресение <...> И от него мы поведем и впредь наше освобождение и национальное восстановление, – все равно, какие бы хищники ни завладели бы временно нашей Россией и какие народы ни вторглись бы еще в наши пространства...

Вот откуда наша русская способность – *незримо возрождаться в зримом умирании*. Да славится в нас Воскресение Христово!» [Ильин 1996: 23].

Материал «Азбуки подвига и подвижничества» (ее условное название) соби́рался в течение нескольких лет, в его сборе принимали участие учителя города Санкт-Петербурга. Эта Азбука имеет целью помочь воспитывать патриотов Родины, которые бы служили ей по-православному, глубоко понимая духовный смысл своего служения, были бы не наемниками, а истинными сынами Отечества.

Для составления Азбуки выбрана методика учебных древнерусских азбук-границ, или акростишных азбук, которые послужили потом основой и для азбуковников, букварей, а также тематических азбук. Алфавитный подбор материалов по определенной теме (составление тематических азбук) продолжался и в XIX веке. Такова, например, антинаполеоновская азбука, где на букву **МЫСЛЕТЕ** был стих «Марш, марш домой», на букву **ФЕРТ** о Наполеоне неодобрительно в частушечном виде: «Там я барыней пройдуся, фертом в боки обопруся».

Кроме Азбуки подвига, мною собраны материалы к азбукам «Златоцвет» (символика растений в Священном Писании), «Физиолог» (символика животных в Священном Писании), «Что есть человек?» (символика слов, обозначающих части тела) и другие. Это учебные материалы, помогающие усваивать определенные лексико-символические группы высокого слога (церковнославянского языка) и среднего слога (русского литературного языка) в их неразрывном единстве. Все азбуки ставят и воспитательные задачи. Работа с азбуками в школах показала, что они вызывают живой интерес и

творческую активность детей любого школьного возраста. Азбука может охватить один урок или несколько, она может быть постоянно обновляема, в нее можно включать элементы пения, рисования, поскольку церковный язык есть поэзия, он тесно связан с церковными искусствами и вообще художественной культурой.

Азбука подвига композиционно построена весьма сложно.

Во-первых, она христологична. Словник каждой буквы начинается с указания на Христа или Богородицу: на **АЗ** Христос как Ангел Превечного Совета, на **БУКИ** – Бог, на **ВЕДИ** – Взбранная Воевода, на **МЫСЛЕТЕ** – Мелхиседек, прообраз Христа (именно Мелхиседек благословил Авраама на справедливый бой), на **СЛОВО** – Господь Сил, Саваоф и т.п. В словниках на каждую букву церковное слово пишется церковной графикой, с титлами и т. п., слово литературного языка – обычной графикой; это дает возможность зрительно различать слова разных стилей.

Во-вторых, почти на каждую букву можно указывать на иконы Божией Матери, иконы-«воительницы»: Владимирская, Казанская, Смоленская и др.

В-третьих, постоянно подчеркивается двойное значение слова «подвиг» как подвига духовного и военного. Тем более, что в нашей истории немало подвижников, явившихся и воинами, и монахами (свв. Александр Невский, Илия Муромец и др.).

В-четвертых, внимание определенной эпохе (в данном случае – Великой Отечественной войне) связано с включением ее в широкую историческую панораму, начиная со славных вех истории Древней Руси, что дает возможность ставить вопрос и о будущем, о задачах будущих поколений по защите Родины, сохранению славы предков.

Композиционной скрепляющей может быть тема всадника: Святой Георгий и другие «змееборцы», новгородский мальчик Онфим, живший в эпоху битв св. Александра Невского, нарисовавший себя на коне как воин; степная кобылица А. Блока; всадники Юрия Кузнецова и Николая Рубцова («Я буду скакать по полям задремавшей Отчизны...»). Поэтому одна из воспитательных задач при работе с этой азбукой так и формулируется: «место нашего

поколения в строю» (см. стих Юрия Кузнецова «Знамя с поля Куликова» о всаднике, вынесшем с поля Куликова знамя победы для того, «чтобы поздние дети могли латать им великие дали и дыры российской земли»).

Поэтика стихов о войне богата и разнообразна и в то же время онтологична, ибо сохраняет концептуальные образы. Среди них, например, птицы: ворон, журавли, лебеди, ястребы-стервятники, птицы смерти А. Ахматовой и др. У истоков этих образов – «Слово о полку Игореве», повести о Куликовской битве и другие старинные воинские повествования.

Кроме того, в зависимости от рассматриваемой эпохи (Куликовская битва, время преодоления смуты в начале XVII века, Отечественная война 1812 года, Первая мировая война 1914–1917 гг. и Гражданская война, которые требуют от нас мужественного духовного осмысления) Азбука обновляется, сужается, расширяется, по-особому акцентируется. На данном этапе в Азбуку включаются все материалы, которые помогут учителю сделать выбор.

Работа с Азбукой может быть проведена на одном уроке, а может составить и целый факультатив.

Указанная Азбука по существу является хрестоматией, вобравшей тексты, объединяемые общей темой, но явившиеся в разные культурно-исторические эпохи, во всем их жанровом многообразии. Хрестоматию подобного рода для учащихся и учащихся составил Ф. И. Буслаев, и она была отмечена Императорской наградой в середине XIX века. Что касается вопроса о разностильности текстов и об их принадлежности к разным эпохам, то церковнославянский язык принципиально, как основа русского литературного языка, объединяет все их разнообразие во времени и пространстве.

Литература

Ильин И. А. О России // Собр. соч. в 10 т. – Т.6, Кн. II. – М.: Русская книга, 1996. – С. 7–34.

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М., 1946. С. 196–197.

Упомянутые в статье стихи из Азбуки

Сон

Дымятся трубы. Крематорий.
Освенцим. Я уже развеян,
Лечу на Родину, которой
Я и такой, сожженный, верен.

Граница. Родина. Смоленщина.
Ветряк. Речушка. Перевоз.
Седая сгорбленная женщина,
Полуослепшая от слез.

Ее морщины – словно шрамы.
Глаза с извечною мольбой.
Кричу, кричу ей: – Здравствуй, мама!
Я снова дома, я с тобой.

Вновь буду жить под отчей крышей
И никуда не пропадать... –
А мать меня совсем не слышит,
Меня не замечает мать.

Стоит, качается былинкой,
Концы платка прижав к плечу.
А я над ней пепелинкой
Летаю и кричу, кричу...

Виктор Пахомов, Тульская область.

Знамя с Куликова

Сажусь на коня вороного –
Проносится тысяча лет.
Копыт не догонят подковы,
Луна не настигнет рассвет.

Сокрыты святыя обеты
Земным и небесным холмом.
Но рваное знамя победы
Я вынес на теле моем.

Я вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.

Юрий Кузнецов (1941–2003). 1977.

В связи с кончиной Нины Павловны Саблиной работы по изданию

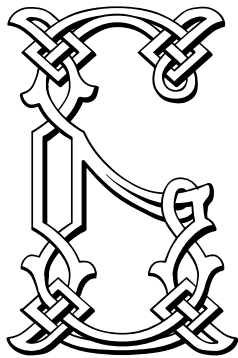
«Азбуки подвига и подвижничества»

замедлились, но не прекратились.

Ниже приводится раздел

Азбуки на букву

БУКИ.

БЪКН

БѢ́ГЪ (Бог)
БѢ́ГОРОДИЦА, БѢ́ЦА (Богородица)
ПОКРО́ВЪ ПРЭСВѢ́ТЫА БѢ́ЦЫ
и покров Пресвятой Богородицы над Россией
БРА́НЬ
СѢ́АА СТРАСТОТѢ́РПЦА БОРИ́СЪ И ГЛѢ́ВЪ
КѢ́ДА – ПОВѢ́ДА
Богатырь
Бородино
Битва, бой
Блокада

БѢ́ГЪ

- Да возкрѣ́нетъ БѢ́ГЪ, и́ расчочѣ́тсѧ вразѣ́ ѿгѡ́ (Пс. 67: 2), *другие стихи о Боге-Победителе.*
- *За Бога, Царя и Отечество*

Памяти 19 июля 1914

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня...
Закрыв лицо, я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей – опустевшей – приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозových вестей.

1916, Анна Ахматова

Письмо к Богу

*найдено в шинели русского солдата,
погибшего в 1942 г.*

Послушай, Боже... Еще ни разу в жизни
С Тобой не говорил я, но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь... с детских лет всегда мне говорили,
Что нет Тебя... и я, дурак, поверил.
Твоих я никогда не созерцал творений.
И вот сегодня ночью я смотрел
Из кратера, что выбила граната,
На небо звездное, что было надо мной;
Я понял вдруг, любуясь мерцаньем,
Каким жестоким может быть обман.
Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку?
Но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь,
Не странно ль: среди ужаснейшего зла
Мне вдруг открылся свет, и я узнал Тебя.
А кроме этого мне нечего сказать,
Вот только... что я рад, что я Тебя узнал.
На полночь мы назначены в атаку,
Но мне не страшно: Ты на нас глядишь.
Сигнал... Ну что ж, я должен отправляться...
Мне было хорошо с Тобой... Еще хочу сказать,
Что, как Ты знаешь, битва будет злая.
И, может, ночью же к Тебе я постучусь.
И вот, хоть до сих пор я не был Твоим другом,
Позволишь ли Ты мне войти, когда приду?
Но, кажется, я плачу. Боже мой, Ты видишь...
Со мной случилось то, что ныне я прозрел.
Прощай, мой Боже... иду... и вряд ли уж вернусь.
Как странно... но теперь я смерти не боюсь.

Записал В. Владимиров

Июль 1914

I

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

II

Можжевельника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне звенит.

Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело Твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах Твоих».

20 июня 1914 г., Слепнево, Анна Ахматова

Бѣда – побѣда. Горе. Слезы.

22 июня 1941

Когда созреет срок беды всесветной,
Как он трагичен, тот рубежный час,
Который светит радостью последней,
Слепя собой неискушенных нас.

Он как ребенок, что дополз до края
Неизмеримой бездны на пути, –
Через минуту, руки простирая,
Мы кинемся, но нам уж не спасти...

И весь он – крик, для душ не бесполезный,
И весь очерчен кровью и огнем,
Чтоб перед новой гибельною бездной
Мы искушенно помнили о нем.

Алексей Прасолов, 1963

* * *

Я отбивался от фашистских танков,
Я в самолеты черные стрелял.
Родные города и полустанки
И села плачущие оставлял.

И если мне бы заглянули в душу, –
Кипела в ней кровавая слеза.
Она рвалась, горячая наружу,
Но были сухи у меня глаза.

Когда я немцев гнал на дымный запад,
В донских степях их трупы хороня, –
Ни головешки сел, ни гари запах
Не выжали слезинки у меня.

Не плакал и тогда я, запыленный,
Когда терял товарищей своих.
Я в сердце брал их гнев неутоленный
И за себя сражался и за них.

Бои, бои мне высушили очи,
Я знал одно, что надо мстить врагу!..
И в День Победы я не плакал ночью
На мирном на дунайском берегу.

Лишь горечь горя к горлу подкатила,
Когда вдруг тяжело ожили во мне
И старые, и свежие могилы
Товарищей, зарытых на войне.

Михаил Шестериков, г. Горький

Брань

- Гдѣ крѣпокъ и силенъ, гдѣ силенъ въ брани (Пс.23: 8)
- Наша брань къ духовнымъ словы поднебеснымъ (Еф. 6: 12)

* * *

Полюшко брани –

Где-то...

а тут:

Топятся бани,

Маки цветут.

Маки махровы.

Бани белы.

Мама здорова,

Мы удалы.

Трав белопенных

Кипень кругом:

Носимся с сеном!

Скачем верхом!

С кручи ныряем

В глубь-голубень,

В зное сгораем

За трудовень.

Голод – не тетка!

Дело – не зверь!

Лишь бы погодка –

Не круговерть:

Выкосим травы,

Смечем стога...

Батьки и братья,

Бейте врага!

Мы вам поможем,

Братья, отцы, –

Сеном и рожью,

Шерстью с овцы,
Льном на портянки!
Щавелем в щи!
Копны как танки.
... Стать бы большим,
Взять бы гранату
Да пулемет...
– Охти, ребята,
Туча идет! –
Бьются – стреляют –
Где-то ...
а тут:
Грабли мелькают,
Вилы снуют.
Так – без обеда
И допоздна.
Будет Победа!
Вот и она!

...Вроде бы это
Времечко вдов
Кануло в Лету,
В толщу годов.
Чуть оклемавшись, –
Вот тебе на! –
Уж не война ли?
– Охти, она! –
Топятся бани!
Маки цветут!
...К полюшку брани
Внуков зовут...

*Ольга Фокина (род. 1937 г.)
Сб. «Деревенские рифмы». М., 2001.*

Свѣдѣнїа о страстотерпцѣхъ Борисѣ и Глѣбѣ – святые страстотерпцы Борис и Глеб

Прорыв

Еще военная смывалась грязь,
Медали были пенсией калекам.
Россия, поднатужась, прорвалась
На небо первым в мире человеком.

Как ей без неба! От своих начал,
От киевских пещер, Бориса, Глеба
Народ мой подымался и крепчал,
Духовное осваивая небо.

И сколь бы ни была порой бедна,
Крестов золотых над ней сияла слава.
Россия – небожителей страна,
И – подвигов, как следствие, держава.

21.04 – 1.06.00, священник Андрей Логвинов

Блокада

* * *

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?
Не шумите вокруг – он дышит,
Он живой еще, он все слышит:
Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,
Как из недр его вопли: «Хлеба!» –
До седьмого доходят неба...
Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон – смерть.

28 сентября 1941 г., Анна Ахматова

В блокаде (зима 1941–1942)

Скелеты друг за другом шли,
На санках мертвецов везли
И хоронили, как могли.
И позабыли вкус картошки,
Дурандовы пекли лепешки,
И с пола подбирали крошки.
Дороже золота был нам
Отжимок тощий килограмм.
Из проруби мы по утрам
Водичку невскую носили,
Водичку с наслаждением пили
И на работу выходили.
Ни жалоб не было, ни слез.
Нас кто-то величаво нес
В сорокаградусный мороз.
Луна светила нам бесстрастно,
И мы все шли, и шли безгласно,
И умирали ежечасно –
И на пути, и у станков,
Без лишних чувств и лишних слов,
И песнь нам пели, песнь прощальную
Сирены пели погребальную.

Анна Эдвард, блокадница

* * *

Завыли сирены –
Ночные бомбежки,
Покинули силы
Опухшие ножки.

Погибли сегодня,
Погибнем и завтра.
А если мы живы,
То это неправда.

Откуда взять силы? –
– Голодные дети.
Бомбежки, обстрелы
Нас всех покосили.

Простите нас, люди, –
Остались мы живы,
Замершие окна,
Сплошные могилы.

Дитя блокадного города, всех 900 дней

Богатырь

* * *

Русь! Встречай роковые години:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печерских церквей.

Всё, что было, повторится ныне...
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне –
В небе – Бог, на земле – богатырь.
Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь!
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь!

1920 г., Максимилиан Волошин

* * *

Во времена лукавой гласности
Пришли из бездны господа.
Мой друг! Отечество в опасности!
Когда не ты – то кто тогда?

Ау! Добрынюшки-Илюшеньки!
Сбирайте рати поживей.
Спасайте православны душеньки
Мертвецки спящих сыновей.

Нас окружили тучи врагии.
Труби, трубач, военный час!
Мы так грабителей приважили,
Что не отвадить без меча.

Но – тишина до неприличия,
И никого со всех сторон:
От богатырского обличия
Один лишь богатырский сон.

*5 апреля 2001 г., скит Ветрово,
иеромонах Роман (Матюшин)*